У Татьяны Красновой есть секрет.
Он такой: для победы над злом нужна святость

Людмила Улицкая

Татьяна КРАСНОВА

ПовИливая миром

Хотите счастья? Быстрее открывайте эту книгу

Чулпан Хаматова

Книга для души

Татьяна Краснова

Повиливая миром

«Издательство АСТ»
2019

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Краснова Т. В.

Повиливая миром / Т. В. Краснова — «Издательство АСТ», 2019 — (Книга для души)

ISBN 978-5-17-114650-4

Татьяна Краснова написала удивительную, тонкую и нежную книгу. В ней шорох теплого прибоя и гомон университетских коридоров, разухабистость Москвы 90-ых и благородная суета неспящей Венеции. Эпизоды быстротечной жизни, грустные и забавные, нанизаны на нить, словно яркие фонарики. Это настоящие истории для души, истории, которые будят в читателе спокойную и мягкую любовь к жизни. Если вы искали книгу, которая вдохновит вас жить, – вы держите ее в руках.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-114650-4

© Краснова Т. В., 2019
© Издательство АСТ, 2019

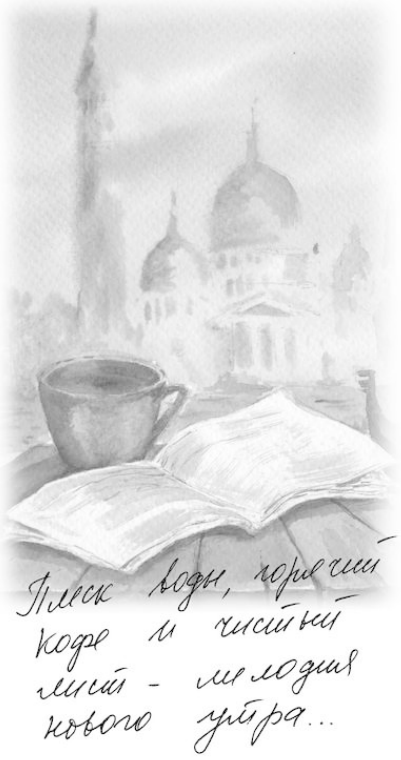
Содержание

Предисловие 7
Повиливая миром 8
От автора 10
Венецианское 11
Про Котов острова Торчелло 18
Производственное 26
Про друга Гошу 41
Витя 46
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Татьяна Краснова
Повиливая миром

© Краснова Т., иллюстрации, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *



Я хочу так жить! Я хочу жить счастливо! А счастливо жить означает для меня успевать налюбоваться и насладиться каждой минутой. Именно так, как в этой чудесной книге. Не просто стоять на остановке и ждать вапоретто, а радоваться. Не просто покупать продукты на рынке, а наслаждаться. Не просто пить кофе в кафе, а впечатляться. Разбивать спресованный бетонный блок времени на легкие сиюминутные разноцветные калейдоскопные фрагменты.

У Татьяны Красновой глаза стрекозы, способные анализировать внешний мир с точностью до растра омматидиев, а не отдельных зрительских клеток. Глаза, которые видят этот серый внешний мир, к которому ты так привык, объемным, красочным, ярким и душистым. Этот мир становится местом, в котором очень хочется жить.

Хотите счастья? Быстрее открывайте эту книгу.

Чулпан Хаматова

У Татьяны Красновой есть секрет. Она о нем написала невзначай, посреди этих замечательных разнообразных текстов. Секрет такой: для победы над злом нужна святость. Только где ее взять, не сказано. Но если читать эту книгу внимательно, там это написано.

Людмила Улицкая

* * *

Предисловие

«Здравствуй, страна героев!» – торжественно спело мне радио на кухонном подоконнике.

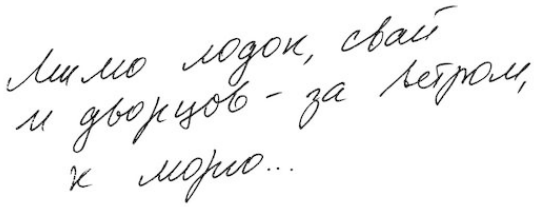
Радио знает, о чем поет. Ах, дорогие братья и (в основном) сестры, сколько же их среди нас… Настоящих, геройских героев, готовых жертвовать собой ради великого дела, любимого мужа, бесценных детей. Идти сквозь метель, нести на себе, подпирать сзади, маршировать впереди, освещая путь собственным горящим сердцем… и падать замертво где-то посередине дистанции, потому что кончились силы, и ресурса нет, и резерв исчерпан. Мы все не очень внимательно слушаем ту стюардессу, которая перед каждым взлетом сообщает нам, сидящим в самолете, великую мудрость: «Сначала кислородную маску нужно надеть на себя и только потом – на ребенка». Стюардесса не хочет нас пугать, но на самом деле – если маски не будет на вас, не выжить и тому, кого вы больше всего на свете хотите спасти.

Эта книжка – предложение подышать вместе с автором тем, что составляет «кислород» нашей жизни, порадоваться самой ее сути. А суть – это отнюдь не только великие идеи и благородные помыслы, а сама бесценная ткань «серых будней» – жемчужная, с серебряным отливом, уникальными узелками и переплетениями, неповторимая и невероятно прекрасная.

Пусть в жизни будет место не только подвигу, но и мелким радостям вроде кофе в бумажном стаканчике, плеска воды о дно лодки, глупых разговоров, смешного кино, нелепых людей, бестолковых ситуаций, плюшевых медведей… Ну, вы понимаете. Более того, мне кажется, что из любви ко всей этой незначительной ерунде эта самая жизнь и состоит. И что если не любить ее, именно такую, грандиозную и бестолковую, хитрую и смешную – то и жить незачем, и героем быть не стоит, и бороться не за что.

Вот о ней, такой большой и маленькой, давайте поговорим.

Пов*и*ливая миром


мимо лодок, свай
и дворцов - за ветром,
к морю...

От автора

Автор, конечно, собирается написать роман. Что греха таить.

Большой, хороший роман с фабулой, персонажами, конфликтом и даже катарсисом в конце.

Если в другой раз у автора это получится, он будет требовать от своего читателя сложного выражения на лице, умных слов и даже, может быть, признания, премии и банкета с докторской колбасой и портвейном в пластиковых стаканчиках.

Пока романа нет, автор может предложить вниманию общества только всякую чепуху, написанную за несколько лет в Живом Журнале, и названную так причудливо в память о неизвестном фанате группы «Металлика», украсившем спинку кресла в автобусе надписью «РОК ПОВИЛИВАЕТ МИРОМ». Чувствительный к русской орфографии автор чуть не расплакался при виде этих прекрасных слов, вообразил себе сразу всю красоту и нежность этого ПОВИЛИВАНИЯ и поклялся написать произведение специально под этот заголовок.

Все истории, собранные на этих страничках, как, собственно, и жизнь автора, делятся на несколько частей.

Первая из них называется так:

Венецианское

В девяностых годах прошлого века я приехала в Италию преподавать русский язык веселой компании итальянских студентов. Это было так давно, что в природе еще не водилось шенгенских виз, а моя месячная зарплата исчислялась семизначными цифрами – в лирах. С тех пор из года в год я приезжаю в город, стоящий по грудь в зеленой воде, и жизнь моя поделена между ним и всем остальным.

Я не венецианка. Я – всего лишь incurabile[1], неисцелимая. Так между собой мы называем тех, кто попал в сети этого невероятного города и теперь обречен, вынужден возвращаться, раз за разом, год за годом селиться в нем на птичьих правах, иногда бедствовать, иногда чуть не нищенствовать – ради того, что быть с ним рядом. Нас много по всей земле, грезивших о нем с детства или попавших сюда случайно, вышедших с чемоданом из железнодорожного вокзала и уронивших свое сердце в зеленую воду канала. Однажды – и навсегда.

Я хочу, чтобы вы поняли меня очень точно.

Италия – одна из самых прекрасных стран мира, и почти каждый ее город прекрасен и неповторим.

Но Венеция – история особая. Говорят, сам великий Ориген[2] грешил мечтами о метемпсихозе[3] и верил в переселение душ. Скажу честно, среди многих ересей эта – из моих любимых. Если на минутку допустить, что наши души прежде уже приходили на землю, то моя бывала невероятно счастлива в этом городе, меж небес и камней.

Не знаю, как иначе объяснить вам эту болезненную ностальгию. Здоровым людям Венеция кажется обшарпанной, грязноватой, неудобной в смысле транспорта, засиженной голубями и туристами почище любого Коктебеля или Ялты. Еще она – неприлично дорогой город, и даже я ничего не могу возразить против того, что на наших болотах исключительно паршивый климат.

Но так уж вышло, что душа моя дышит не легкими, а жабрами, и стоит только поезду миновать стоящую на твердой земле Местру[4], опустеть вагонам, везущим по делам серьезных людей, стоит только ветру из лагуны качнуть состав на узкой дамбе – мнится мне, что мою душу, размахнувшись, выплеснули из тесной стеклянной банки в прохладную живую воду, и вот она плывет, не зная куда, без цели, смысла и назначения – навстречу Богу.

* * *

Вообще, город сам по себе безумен настолько, что звание городского сумасшедшего здесь можно получить только за совершенно особые заслуги.

Граждане всех стран, потомки всех династий, обедневшие герцоги и разбогатевшие простолюдины, лавочники и художники, купцы, рыбаки, ученые, бродяги, уличные музыканты и уличные карманники, толпы ошалевших туристов на площадях, и Смерть, шаркающая по-стариковски, опираясь на клюку, в безлюдных переулках за Арсеналом[5] – все это, наполненное бликами, отражениями, колокольным звоном – способно свести с ума кого угодно.

---

[1] Incuràbile (*итал.*) – неизлечимый, неисправимый.

[2] Ориген Адамант – греческий христианский теолог, философ, ученый. Основатель библейской филологии. – *Здесь и далее примеч. ред.*

[3] Метемпсихоз – религиозное учение о переселении души умершего во вновь родившийся организм.

[4] Местре (*итал.* Mestre) – материковая часть Венеции.

[5] Венецианский Арсена́л – верфи для постройки и оснащения боевых кораблей.

В Венеции надо потеряться. Хоть пару раз, качественно и со вкусом потеряться, закатиться бусиной в эти каменные щели, где даже в жаркий полдень от стен тянет сыростью, поддаться причудливому разбросу мостов и мостиков, выбежать из переулка и внезапно упереться в канал – дальше только по темной зеленой воде. Не умеешь – вернись, повтори свой урок. Налево, направо, calle[6], sottoportego[7]… Быстрее, быстрее, почти бегом – и вдруг вот она, громадная, блестящая, звенящая, шумная как порт – площадь святого Марка, центр мира, «самая прекрасная гостиная Европы»… Голуби, вспышки фотокамер, толпа туристов, собор – серый снаружи, тускло-золотой изнутри. Мир тебе, Марк… Часы бьют, колокола звенят, кричат чайки, лавки блестят стеклом и золотом, яркие игрушки, дорогущий кофе у Флориана, серебряные гребенки гондол пляшут на воде…

…и снова переулок, и снова мост, и тихая, пустынная набережная маленького канала, и старушка лет ста пятидесяти в древней шляпке с вуалью выгуливает на тоненькой цепочке траченого молью кролика… И ты притормаживаешь, чтобы еще раз оглянуться на странную даму, а там уже нет ни ее, ни кролика…Конечно нет, ты все это выдумал, беги, беги дальше…

Или вот что. Поезжай домой и вернись зимой. Глухой зимой после Рождества, когда в городе пусто и холодно, когда утром приходит такой туман, что корабли идут только по Большому каналу перекликаясь и радарами нащупывая дорогу в непроницаемой пелене, когда шаги в узком calle слышны одиноко и гулко, а под утро над городом плывет этот ни с чем не сравнимый звук: гудок Венецианской сирены, и в город входит вода.

Тогда, на этих пустых площадях, внезапно ставших дном моря, ты встретишь всех, кого любил когда-то, кого потерял и не найдешь уже никогда.

Такого свойство этого места…

Впрочем, не будем грустить.

Переберем свои цветные четки, вспомним любимое, бестолковое, смешное и грустное.

* * *

Остановка вапоретто[8].

06.45. То есть, без пятнадцати семь утра.

На остановке мы вдвоем, я и синьора средних лет в шляпке и перчатках.

Я застаю синьору в непростой момент жизни: она мечется по плавучей пристани из угла в угол, и мое появление воспринимает как благодать: пришел собеседник!

– Что там написано на табло? – спрашивает синьора. – Все в порядке, 5.2 будет через пять минут.

– Вы уверены? О Боже. Нет, он не придет. Я чувствую. Какое торменто[9]! Боже. Он не придет, я знаю! Я знаю! Бесполезно ждать его! О Боже!

– Синьора, вот он!

– Нет, это не он. Это что-то другое! О мое сердце…

5.2 мирно швартуется на пристани. Синьора внезапно и полностью успокаивается.

– Естественно, это 5.2-ой! – и мне, укоризненно: – Не стоило так нервничать!

* * *

Сосед из гетто.

---

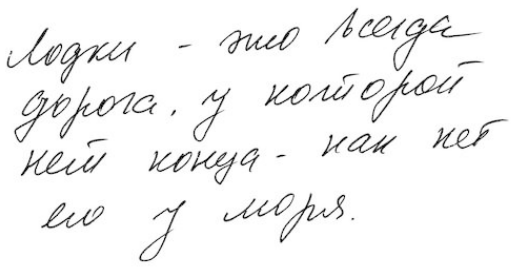
[6] Calle (*итал.*) – тропинка.

[7] Sottoportego (*итал.)* – крытая улица в Венеции.

[8] Вапоретто (*итал.* Vaporetto) – маршрутный теплоход, главный вид общественного транспорта в островной Венеции.

[9] Торменто (*итал.* Tormento) – мучение, мука.

Знаю его двадцать лет.
Двадцать лет раскланиваемся на улице, жмем руки друг другу на мессе.



Вчера, интимным шепотом на выходе из храма:

– А в Сан-Марко? Синьора бывала в Сан-Марко? Это огромная базилика на самой большой площади…

В глазах – сумасшедшая надежда. А вдруг – нет? Вдруг он будет первым, кто отведет меня, кто покажет…

* * *

Муж приходит домой довольный. Нашел ресторанчик, где можно поужинать.

– Там, – говорит, – очень уютно. И место тихое: переулок Мертвых.

Промозглым декабрьским вечером бредем переулками от моста Риальто. Это старая часть города. Мост, сверкающий лавками с золотом и стеклом, остается за спиной, calle, похожие на трещины в камне, редкие фонари. И правда, тихо. Темно и даже страшновато. Ресторанчик на 10 мест. Заняты восемь. У ужинающих странные синеватые лица. Перед нами с порога извиняются и говорят: «Простите, мы ждем еще двоих, и все будет занято!»

Восемь господ и дам слаженно кивают.

Выходим. Нам смотрят вслед.

Конечно, синий оттенок на лицах создает лампочка.

Лампочка, и только она.

* * *

Июль. Жарко. Часам к десяти поднимается ветерок, и в сквер у памятника Гарибальди выбираются мамочки с колясками, старушки с болонками и туристы с картами, на которых подробно обозначены все обломки актуального искусства, прибитые к нашим берегам штормами Биеннале.

Я возвращаюсь с мессы, приплыв в свои райские сады Джардини на вапоретто номер пять, обогнув город по часовой стрелке, очумев от плеска, блеска и жары, тщательно обдумав покупку килограмма черешен у зеленщика, который торгует с лодки у меня под дверью. Черешни можно будет положить в холодильник, и они станут влажными, матовыми… Помимо черешен, у меня есть белое вино и пармезан, и вентилятор под потолком, и целая библиотека в электронной «читалке».

– Ну, что, синьора, капучино? – спрашивает хозяйка барчика «Мио» и меняет мою траекторию. Я усаживаюсь под зонтик, получаю бриошь, кофе и запотевшую бутылку воды, а заодно – билет в партер на ежедневный немудреный спектакль.

Сразу три собаки, привязанные к сумке на колесиках у дверей булочной, тянут сумку – каждая в свою сторону. Булочница собак к себе не пускает, и ежедневная собачья возня у ее дверей – привычное дело. Сумка падает, и прохожие подбирают цветную капусту и баклажаны.

За соседним столиком – толстый пожилой мужчина в растянутой белой майке, льняных штанах и шлепанцах на босу ногу. На балконе над ним – синьора в халате. Из их диалога я понимаю от силы половину – диалект, венециано[10]. Спор идет о том, что синьора послали в магазин, а не пить кофе и беседовать с прохожими. Накал нарастает, и внезапно синьор оглашает улицу арией из какой-то оперы, и тенор у него такой шикарный, полнозвучный и широкий, что все аплодируют, когда он заканчивает – включая, конечно, его Джульетту на балконе.

В соседнем заведении начинают выносить на улицу столики и стулья. Скоро полдень.

Голуби с остервенением рвут в клочья половину булочки, украденную с тарелки у зазевавшейся американки.

Потом вся улица останавливается от оглушительного визга. Из бара выносят бутылку воды, чтобы отмыть разбитую детскую коленку, небольшая, но дружная толпа утешителей предоставляет не уследившему папаше салфетки, платки и советы.

Голуби доедают булку. Не оглядываясь.

* * *

А на острове святой Елены травы чуть не по пояс. Первый Номер останавливается там на пути от Арсенала и садов Бьеннале к Лидо[11]. На острове святой Елены есть газетный ларек, в котором за пару евро можно купить зонтик, если тебя застиг дождь, пройти мимо охристо-желтых домов, перейти канал по широкому мосту и выйти на почти проселочную дорогу к церкви, которая обычно бывает закрыта.

Там, за церковью, располагается небольшой центр современного искусства.

На странном деревянном помосте висит, покачиваясь на пружине, пустая бочка, подле нее стоит велосипед на вечном приколе, а рядом металлическое дерево сбрасывает на землю лишние шары, мешающие ему плодоносить новыми, ржавыми и железными.

Все это вместе обозначает примерную бесконечность существования. Время, облепившее готические фасады барочной лепниной, как якорную цепь моллюсками, не остановилось, а продолжило свое движение сквозь классицизм и модерн, мимо промежуточных станций, вот к этой бочке на пружине.

Как знать, быть может, достигнув некого умозрительного дна, пустая бочка постмодернизма шарахнется оземь и вознесет потрясенное человечество назад к воздушным фасадам Ка Д'Оро[12], лучистым краскам Карпаччо[13] и резным потолкам палаццо Дожей[14].

На нашем веку этого, скорее всего, не случится, что придает правильный масштаб всему в целом: и Карпаччо, и бочке, и металлическим плодам, гниющим в траве на острове святой Елены, и нашей весьма незначительной жизни.

---

[10] Вене́тский язык (также венетский диалект, венетская группа диалектов; *итал.* lingua veneta; самоназвание – łéngua vèneta) – один из романских языков. Распространен на северо-востоке Италии, прежде всего в области Венеция. Традиционно относится к «итальянским диалектам».

[11] Лидо – остров, расположенный с противоположной от Венеции стороне относительно континента.

[12] Ка-д'Оро, или палаццо Санта-София (*итал.* Ca' d'Oro) – дворец в Венеции, на Гранд-канале в районе Каннареджо

[13] Витторе Карпаччо (ок.1465 года, Венеция, – ок. 1526 года, возможно в Каподистрии) – итальянский живописец Раннего Возрождения, представитель венецианской школы.

[14] Дворец дожей (*итал.* Palazzo Ducale) в Венеции – великий памятник итальянской готической архитектуры, одна из главных достопримечательностей города.

* * *

На венецианском острове Мурано есть – среди прочих красот и великолепий – чудесная церковь. Называется она Santa Maria e Donato. Ради нее из года в год я сажусь на пароходик на Новых Набережных и плыву мимо кладбищенского острова Сан-Микеле к сияющим стеклянным берегам…

Прохожу вдоль лавочек с блестящими игрушками, непременно покупаю какую-нибудь чепуху в бесплодной попытке увезти с собой частичку этого плеска, блеска, сияния и радости, а потом выбираюсь темными переулками к маленькой площади – и вот она.

Золотая апсида, а в ней, среди ослепительного мозаичного космоса – тоненькая, как свечка, Богоматерь. Стоит она там уже девятый век подряд, и кто только не приходил вот так же, задравши голову, посмотреть на это чудо, потому что это – одушевленное Божьим присутствием смешение солнца, смальты и воды…

Ладно, разговор не о том, точнее – не совсем о том. Разговор о ящерице.

Ящерица лежит на стеклянном подносе в витрине. Маленькая изящная ящерка черного стекла. Чудесная, тонкая работа.

Я устраиваюсь на скамье под деревом. Греясь на тихом октябрьском солнышке, смотрю в прозрачное осеннее небо и думаю вот о чем: амбиций и целей осталось совсем мало.

Фактически, их не осталось вообще. «Дела всей жизни» нет, и, по-видимому, не будет. И это, по-видимому, хорошо. Дитя выросло, доказав, что ребенка нельзя вырастить, а можно только молча присутствовать, стараясь не мешать…

Долги почти розданы…

То есть, в принципе, лавку можно закрывать «по нулям». Значит, ничто (или почти ничто) не мешает мне сейчас встать с места и отправиться на задний двор стекольной мастерской, где гудят горелки и стеклодувы перехватывают острыми щипцами гибкую горячую массу, выдувают, вытягивают, завивают стекло в диковинные спирали. Ничто не мешает мне забыть то немногое (совсем немногое!), что я умею, и начать учиться заново. И лет через десять – а куда спешить, вон он, кладбищенский остров Сан-Микеле, «через дорогу»! – я, при наличии некоторых художественных способностей, может быть, научусь делать вот таких же изящных существ как то, что лежит на подносе в витрине, и это будет не худшим развитием событий, а, возможно, и не худшим их завершением.

Думая эти приятные мысли, я внезапно обнаруживаю, что греюсь на солнышке не одна. На стволе старого дерева напротив меня нежится… ящерица.

Настоящая, живая, не черная, как та, стеклянная, а зеленовато-коричневая, крапчатая, под цвет коры. Она замирает, не шевелясь, и так же, не шевелясь, сижу я.

А потом мимо нас проходит какой-то человек, и моя испуганная соседка мчится вверх по древесному стволу, стремительная, изящная, и такая *живая*, что я чуть не умираю на месте от приступа счастья и благодарности Тому, кто создал меня, дал мне глаза, руки и потенциальную возможность научиться делать из муранского стекла фантастических ящериц… Которым никогда не стать живыми и никогда не побежать вверх по горячему стволу, как бы хороши они ни были. А для того, чтобы спасти меня от отчаяния, Он сделал для меня еще и *настоящую* ящерицу.

Да, вам, наверное, будет забавно узнать, что ту, стеклянную, я, конечно же, купила…

Сколько лет она со мной?

Десять? Двадцать?

Пусть останется до конца.

Про Котов острова Торчелло

История эта рассказана была автору в одной частной беседе, и источник предпочел имени своего не называть.

Строго говоря, источник ~~вообще предпочел перепрыгнуть через забор и смотаться в камыши~~ удалиться по важнейшим делам сразу после окончания беседы, поэтому уж ваше личное дело, верить ли прочитанному или хмыкнуть скептически.

В Венецианской лагуне, да будет вам известно, есть множество волшебных островов.

Есть в ней прекрасный Святой Георгий, где с колокольни город виден как живая карта, и птицы летят вровень с вами, и море уходит в бесконечность за узким лезвием Лидо… Есть стеклянный Мурано, кружевной Бурано, есть тишайший Мадзорбо по колено в травах, есть и такие, о которых ближе к ночи и говорить не надо, но прекраснейший (по мнению моего собеседника) остров в лагуне – это остров Торчелло.

Всякий, у кого ~~вместо лап и хвоста~~ есть доступ в интернет, легко узнает, чем славится этот остров в смысле истории, архитектуры и прочих достопримечательностей. Но, кроме всех этих мелочей, у острова Торчелло есть еще одна особенность.

Впрочем, по порядку.

Климат в Венеции нельзя назвать идеальным.

Население островов страдает простудами, артритами, ревматизмом, саркастическим отношением к китайским туристам и некоторыми другими недугами, а лучше сказать – особенностями.

О некоторых из которых не принято говорить вслух.

К примеру, живет где-нибудь в Канареджио, в приходе святого Альвиза, пожилая вдовая дама. Синьора, скажем, Лаура.

Есть у нее дочка с зятем, внуки-оболтусы, вязание, телевизор – словом, жизнь как жизнь, ничего особенного. Вяжет синьора Лаура жилетки внукам, печет по воскресеньям печенье, и вот в один прекрасный день приходят на горячий шоколад с печеньем внуки, и младшенький, востроглазый, прячась от сестрицы за бабкиным креслом, вдруг говорит:

– Бабушка, а на чем это ты таком длинном и меховом сидишь?!

Дальше следует замешательство, бабушка оправляет юбки и переводит разговор на другую тему, а вечером старшенькая рассказывает маме, что у бабушки появилась какая-то странная меховая полосатая штука, на которой она сидит, а показывать никому не хочет.

И дочка с зятем отчего-то бледнеют и, уложив детей спать, долго шепчутся на кухне, а на другой день ранним вапоретто едут к синьоре Лауре, чтобы убедиться в своих подозрениях…

Или, к примеру, живет в Кастелло[15] некий синьор Карло.

Работает в кредитном отделе большого банка, ездит в командировки в Германию, имеет приличные портфель, усы и репутацию…

И вот в один прекрасный день соседи замечают, что усы у дона Карло стали как-то вдруг длиннее, движения – мягче, а потом – помилуй Бог! – соседка видит почтенного банковского служащего с *голубем в зубах.*

Тут уж дело принимает нешуточный оборот, звонят сыну в Виченцу[16], тот приезжает…

Ну, думаю, даже самый недогадливый читатель уже понял, о чем я.

Семья, конечно, горюет, но не чрезмерно, ибо обросший шерстью дон Карло приобретает вдобавок к хвосту и четырем лапам вполне солидные девять жизней, положенных коту, и, будучи под покровом ночи вывезен родными и близкими на остров Торчелло (вот мы и дошли

[15] Один из районов Венеции.

[16] Город в итальянской области Венеция, административный центр одноименной провинции.

до сути), селится на пустынной (на первый взгляд) вилле, мимо которой проходил каждый, кого влекли к себе мозаики Страшного Суда или вкуснейшая жареная рыба ресторана Villa600.

Вы ни с чем не перепутаете этого дома. Ставни его всегда закрыты, и пахнет он…

Ну, вы меня понимаете. Кошками он пахнет.

Глава самоуправления Торчелло живет на той же вилле вместе с супругой, и досужие туристы кричат ему иногда через забор сакраментальное (и, конечно же, совершенно бесполезное) «кис-кис» на разных наречиях, а дети (ох уж эти дети!) спрашивают звонкими голосами: «Мама, а разве котики бывают такие большие?!»

Мэр Венеции посещает Торчелло инкогнито несколько раз в год, дабы убедиться, что почтеннейшие жители острова ни в чем не терпят нужды и притеснения, а родные и близкие, оставшиеся в городе, исправно платят налог на питание для своих родственников.

Детям, достигшим шестнадцатилетия, в таких семьях обычно сообщают, что кроме дедушки, покоящегося на Сан-Микеле, у них есть еще и бабушка НА ТОРЧЕЛЛО.

Об этом не принято говорить в школе, и тему эту вообще принято аккуратно обходить за семейным столом, потому что не обо всем же можно болтать просто так за завтраком…

* * *

Январь в Венеции.

Культурная русская публика организованно пялится в сплошной туман, пытаясь разглядеть за его завесой мост Вздохов, – тщетно. Но снимать надо, и публика щелкает камерами.

У Сан-Марко разбирают елку. Остро пахнет хвоей, рабочие пакуют ветки.

– Кончился у них праздник, – говорит сочувственно русский джентльмен русской даме. И дама, и джентльмен средних лет хорошо одеты, на джентльмене висит несколько тысяч евро в виде фотоаппаратуры. Снимать – нечего. Мир бел и безвиден.

– Анна Иванна, смотрите, вот такой шарфик давайте вам купим?

Старшеклассники с училкой. Анна Иванна, робея, примеряет нечто плюшевое, с люрексом. Молодежь щелкает друг друга айфонами. Фон айфонам создают только витрины – дальше витрин ничего не видно.

В молочной пелене по Большому Каналу медленно ползут большие вапоретто. Над капитанскими рубками вертятся радары – туман… Туман глушит звуки, и справа по борту внезапно возникает серебряная гребенка гондолы.

Истинным самураям плевать на погоду. Замотанные в шарфы, платки и шали, японские туристы пытаются получить 110 из ста возможных процентов влажности.

– Сейчас, конечно, холодно, – задумчиво говорит очаровательная русская старушка в шляпке своей товарке. – Но летом-то они, наверное, тут купаются?

– Летом – точно купаются. Жаль, нам завтра уезжать. На Крещение я б точно окунулась…

Мое воображение сжимается от ужаса и оттаскивает меня за шиворот прочь, от воды, к стеклянным дверям бара, за которыми немедленно предлагают кофе.

– И граппу! Пожалуйста, граппу!

* * *

Июль. Ветреный жаркий полдень. Мы пьем кофе на набережной у Реденторе[17]. Перед нами пыхтят по каналу Джудекки вапоретто, снуют туда-сюда мелкие лодочки, гудит баржа, груженная досками, с воем проносится катер скорой помощи. Потом, неправдоподобно гро-

[17] Церковь Иль Реденторе (*итал.* Il Redentore – Спаситель) – церковь в Венеции на набережной острова Джудекка

мадный и неповоротливый, со стороны Маргеры[18]в канал вползает океанский круизный лайнер. Спереди и сзади чудовище конвоируют маленькие сердитые буксиры. Вся жизнь лагуны с ее живой суетой становится внезапно игрушечной возней под брюхом левиафана, а домики и церквушки на Дзаттере[19] – детскими кубиками.

Туристы хватают камеры. Кадр и правда впечатляющий…

– Какое уродство, – привычно ворчу я.

– И не говорите, – подхватывает хозяин, занятый какими-то бумагами тут же, за соседним столиком. Мы понимающе переглядываемся, и он салютует мне стаканчиком просекко.

Город не любит больших кораблей. Вообще, город, сказать по правде, не очень любит туристов. Но, если уж совсем честно, туристы – главная часть его дохода.

Воительница, Царица Морей, купчиха, куртизанка – Венеция не хочет превращаться в Диснейленд.

Старые fornace[20] на Мурано не производят и сотой доли тех стекляшек, которыми завалены лавки на Страда Нова. За тысячу лет кружевницам Бурано не сплести столько китайского нейлонового кружева, целой армии мастеров не наделать из дешевого пластика столько позолоченной чуши, сколько вывозят из нашего маленького города в своих чревах эти огромные китообразные корабли.

Но коммерция есть коммерция…

Венеция не может жить без туристов, и уже, кажется, не может жить с ними.

* * *

Промозглый, туманный, ледяной декабрь.

Венецианцы берегут тепло.

– Дверь! – кричат старухи вслед каждому, кто не закрывает за собой двери вапоретто. Лагуна дышит холодным туманом.

– Дверь!!!

Еще один бедолага-китаец выбегает на открытую палубу, оставляя нам, сидящим внутри, сырой сквозняк. Я обреченно поднимаюсь с места, сдвигаю за его спиной створки.

– Не понимаю, чему учат эту молодежь в Китае?! Неужели им не объясняют, что на вапоретто надо закрывать за собой двери? – восклицает седовласая синьора в норковой шубке.

– Точно, – комментирую я. И правда, чему их учат?!

* * *

Август. «Высокий сезон». Это значит – жить практически невозможно. Город задыхается от жары, он наводнен туристами, он еле дышит.

Группа американцев – человек десять, уже немолодые, но чрезвычайно активные. И леди, и джентльмены – в шортиках и панамках. На лицах отчаяние. Огромная карта города измята, ее тянут из рук друг у друга, переворачивают: Каннареджо[21] вниз, Дорсодуро[22] вверх…

– Ты по-английски говоришь? – спрашивает меня пожилой синьор. – Помоги им. Видишь, мучаются люди.

---

[18] Район Венеции.

[19] Набережная Дзаттере (Fondamenta delle Zattere), в прошлом набережная Неисцелимых (Fondamenta degli Incurabili) – набережная венецианского квартала Дорсодуро, самая южная в городе.

[20] Fornace – стекольные мастерские.

[21] Каннареджо (*итал.* Cannaregio) – один из шести исторических районов Венеции.

[22] Дорсодуро (*итал.* Dorsoduro) – один из шести исторических районов Венеции.

Я вздыхаю и заговариваю с гостями города.

– О Боже, какое счастье! Вы говорите по-английски! Мы потерялись! Гид велел нам ждать у церкви, у большой церкви, прямо на остановке кораблика!

Салюте[23]… Маркуола[24]… Реденторе[25]… Святой Георгий[26]. Марк[27], наконец… Ассортимент довольно обширный.

– А как называется церковь?

Следует жаркая дискуссия. Наконец – о счастье! – одна из старушек вспоминает!

– Санта Ферровия! – вопит она. – Я вспомнила! Санта Ферровия!

– Что она бормочет? – изумляется мой венецианский попутчик.

– Им велели ждать у церкви святой Ферровии, – поясняю я.

– Мадонна! – вздыхает венецианец.

Ферровия – это железная дорога. У вокзала и правда стоит большая церковь святой Марии, место обитания наших братьев Кармелитов. Я вожу пальцем по карте, указывая маршрут. Мы считаем станции.

– У вас превосходный английский! – радуются американцы. – Awesome! Just awesome![28] Но вы не американка.

– Нет.

– Но и не британка.

– Нет.

– И не канадка?

– Я из Земблы.

– Зембла?

– Трансильвания, слыхали?

Радость узнавания. Конечно, они слышали о Трансильвании.

– Рут, ведь твой племянник Бобби прошлым летом ездил в Трансильванию?

– Неужто? – вежливо изумляюсь я. – Какой шустрый мальчик! Присматривайте за ним в полнолуние…

* * *

Риальто Меркато. То есть, проще сказать, рынок у моста Риальто. По утрам сюда привозят живую рыбу, моллюсков, осьминогов. К полудню рыбная торговля сворачивается. Я сижу на остановке, жду своего вапоретто, обнимая кулек с помидорами, спаржей и сушеными апельсинами.

Рядом со мной мается не очень молодая американская пара. В руках – карта и бумажка, с которой они сверяются. Наконец, отчаявшись, задают мне сакраментальный вопрос про ду ю спик инглиш.

– О, слава Богу, никто не говорит по-английски, мы в отчаянии. Почему люди не учат языки?!

– Действительно, почему?! Чем вам помочь?

– Мы ищем Джордж айленд.

---

[23] Собор Санта-Мария делла Салюте (*итал.* Basilica di Santa Maria della Salute) – собор в Венеции на Гранд-канале в районе Дорсодуро.

[24] Церковь Сан Маркуола. (*итал.*) Chiesa di San Marcuola – церковь, выходящая на Канал Гранде и расположенная напротив турецкого Фонтего (торгового подворья).

[25] Церковь Иль Реденторе (*итал.* Il Redentore – Спаситель) – церковь в Венеции на набережной острова Джудекка.

[26] Церковь Святого Георгия Великого, часть одноименного монастыря.

[27] Собор Святого Марка (*итал.* Basilica di San Marco – «базилика Сан-Марко») – кафедральный собор Венеции.

[28] – Потрясающе! Просто потрясающе! (*англ.*)

Я отгибаю карту. Сразу за сгибом нарисовано искомое – остров Сан-Джорджио.

– Скажите, там правда есть колесо обозрения?

– Пардон?

– Нам сказали, там есть колесо, с него видно весь город.

– Ах, это… Да. Есть. Оно не совсем колесо, но видно будет.

– Не совсем колесо?

– Оно как бы совсем не колесо. Это в некотором роде башня. Колокольня.

– И она не вращается?

– В ней можно ходить по кругу.

– Это великолепно.

– Это и правда великолепно, – соглашаюсь я.

– Я вижу, вы знаете все-все-все, – интимным голосом говорит дама.

Подумав, я соглашаюсь:

– Полагаю, что так, мэм.

– Помогите нам! Скажите, вы видели фильм «Бейб»?

– Простите?

– Вы не могли не видеть! «Бейб!» Про поросенка!

– А, да! Про поросенка. И что же?

– Нам сказали, что в Венеции есть какой-то знаменитый мост, где снимался эпизод из этого фильма. Поросенок прыгал на этом мосту… Нам никто не может сообщить, где этот мост. People just do not know[29].

Наш вапоретто отваливает от пристани. Из-за поворота нам навстречу выплывает мост Риальто. Чем, в конце концов, черт не шутит…

– Этот? – спрашиваю я.

Восторг узнавания.

– Look, honey, piglet Babe bridge[30]!!!

Нет, я не склонна делать выводы и обобщения.

Мои сограждане бывают еще трогательнее. Да и любые другие бывают…

Но семейная копилка пополнилась:

– Утром куплю капусты на рынке у piglet Babe bridge, супу наварю…

* * *

В устье канала святой Анны на волнах качается лодка, груженная фруктами и овощами. С лодки торгуют наши соседи-зеленщики.

Здесь край города, туристов редко доносит до нас волнами прибоя, и здесь, покупая хлеб и картошку, люди говорят между собой.

– Что это за фрукт? – спрашиваю я.

– Nespole, – отвечает торговец.

Слово незнакомое, и я лезу в сумку за телефоном. Открываю словарь. Перевод ясности не вносит: мушмула.

– Я не знаю такого фрукта.

– Я объясню, – говорить зеленщик, вынимая один плод из ящика, и поднося его к моему носу: – Это очень просто, дорогая! – и четко, внятно, по слогам: – Nes-pole.

Конечно, это меняет дело…Вы замечали – если иностранцу сказать что-то медленно и по слогам, он поймет. Нет? Не замечали?

---

[29] Люди просто не знают (*англ.*).

[30] Смотри, милая, мост поросенка Бейба!!! (*англ.*)

В тот же день в соседнем переулке моя соотечественница пытается купить у итальянской торговки чемодан. Тут язык межнационального общения отсутствует полностью.

– Ну как же ты не понимаешь?! – по-русски сердится покупательница. – Мне надо такой же, но на колесиках. Не поняла? На ко-ле-си-ках!

Строители Вавилонской башни виновато пожимают плечами. Что поделаешь, дорогие потомки… Мы, конечно, сглупили. Но ведь и вы не делаетесь умнее. И отчасти это даже хорошо, что вы не понимаете друг друга. Счастья вам это понимание не приносит…

* * *

Есть у меня незакрытые популярные темы. Точнее, на сегодняшний день – одна.

Черные гондолы с кинжально-острыми серебряными носами, нарезающие город вдоль и поперек, длинные, лаковые, грозные, как ладья Харона, элегантные, как драгоценное оружие – и груженые толпами разноцветных туристов в ярких панамках и цветных шортиках. Тяжелые солидные Canon-ы, айфоны, прикрепленные к селфи-палкам, дорогущие «телевики» и копеечные «мыльницы», и позы, и улыбки, и сто евро за час…

Словом, именно этот венецианский аттракцион я так и не попробовала.

Даже не потому, что дорого.

Как бы вам сказать…

При входе в Палаццо Дожей[31] привинчен турникет. Каменные ступени Лестницы Гигантов, статуи, колонны… Памятник ушедшей цивилизации, обломки великой эпохи воителей и мореходов. Гении и честолюбцы, полководцы и дипломаты. Орсеоло[32], Контарини[33]и Дандоло[34]. Эхо их шагов звучит под сводами… Ну, довольно. Насыпьте сюда романтических клише по своему вкусу и не бойтесь переборщить.

Турникет сделан из симпатичного беленького пластика. К величавому серому граниту он привинчен аккуратненькими шурупчиками. Если поднести билетик к окошку турникета, прибор пискнет и пропустит вас внутрь.

Под напором граждан, спешащих припасть к роднику мировой культуры, турникетик слегка покривился, но огонек на реле все еще горит и машинка трудолюбиво попискивает, доказывая на деле, что и мы, потомки великих, способны кое на что. Например, на то, чтобы привинтить к вечной стенке писклявый кусок пластика.

Примерно так же и с этими лодками.

Вот разве что – в карнавал.

* * *

Знаете, сделайте это один раз в жизни. Хоть один. Поселитесь в кемпинге на окраине Падуи[35] или в хостеле в каком-нибудь Марконе[36]. Купите самую дешевую пластмассовую масочку в лавке у вокзала – и отправляйтесь в путь.

---

[31] Дворец дожей (*итал.* Palazzo Ducale) в Венеции – великий памятник итальянской готической архитектуры, одна из главных достопримечательностей города

[32] Венецианский дож. Дож – титул выборного главы Венецианской республики на протяжении более чем десяти веков, с VIII по XVIII века.

[33] Знатный венецианский патрицианский род.

[34] Венецианский аристократический род.

[35] Падуя – город в итальянской области Венеция.

[36] Маркон (*итал.* Marcon) – коммуна в Италии в провинции Венеция области Венеция.

И выбросьте карту. Пусть Светлейшая кружит вас переулками, обманывает мостами и каналами, уводит и путает, чтобы выкинуть потом, ошалевшего и счастливого, на огромную площадь, в толпу, звон, грохот и музыку.

Есть тысяча мест, где можно прочесть самое умное и подробное и про традиции, и про ритуалы, и про символы древнего Карнавала…

Я скажу два слова про главное.

Перед погружением в тишину и молчание Великого Поста Жизнь ПРАЗДНУЕТ.

Детство – в смешных платьишках и бантах празднует свое первое потрясение и изумление от яркости и торжества существования.

Юность – в дешевеньких забавных плащиках и аляповатых масках с перьями и блестками – свою неповторимую красоту, которая не кончится никогда, потому что состарятся те, кто сегодня всю ночь танцует у моста Риальто, а на смену им вырастут и расцветут дети… А их, нынешних, прекрасная зрелость пусть выйдет на эти вечные улицы и площади во всей своей роскоши.

А старость и немощь… пусть будут прекрасны по-своему, и пусть старость не отнимет радости. Потому что жизнь, в сущности, про это. И Пост про это.

Что уж говорить про Пасху.

* * *

Свои первые фотографии с карнавала я делаю исподтишка, мне кажется, что это неловко.

Но происходит меленькое чудо, и дамы в кринолинах делают реверанс навстречу моей старенькой камере. Потом я понимаю, что неписанный кодекс карнавала велит всем, кто нарядился в костюмы, улыбаться и позировать фотографам. Любым, даже таким, как я.

* * *

Мои московские друзья влюблены в Карнавал.

Всю долгую российскую зиму Сережа шьет удивительные платья, а Таня, наша подруга, профессор Московского университета, выбирает наряды для этой удивительной недели.

Шляпы, перья, парики, кружева, перстни и перчатки… Неважно, что все это только бутафория, главное – Она, Светлейшая, а уж ничего более настоящего, чем она, – не придумаешь…

Утром мы наряжаемся.

Мне Сережа сшил невероятной красоты плащ, отделанный черными вороньими перьями. На Тане настоящее платье с самым натуральным кринолином…

Мы выходим переулками на площадь у ворот Арсенала.

От ослепительных красок кругом идет голова. Дожи и догарессы, шуты, клоуны, вампиры… Дамы в мехах и настоящих изумрудах. Мальчишки и девчонки в курточках, оклеенных желтой монтажной лентой и с пчелиными крылышками из картона. Стайка эльфов и целое семейство королевских мушкетеров. Львы Арсенала смотрят на гуляющую веселую толпу, и на львиных мордах можно разглядеть ухмылки.

В конце концов, и у зверей тоже карнавал…

На вапоретто входит доброжелательная собака.

Животное тоже принаряжено – вокруг песьей талии шуршит розовая юбчонка с блестками.

Млекопитающее виляет хвостом, обнюхивая людей, и всем своим небольшим организмом выражает приязнь ко всему человечеству.

Огромный вольт – человек в полностью закрытой маске, закутанный в золотой плащ, с золоченой головой громадного льва на плечах и с посохом в руках, наклоняется к собаке.

Собака обнюхивает протянутую руку в перчатке, унизанной кольцами. Потом смотрит вверх. Собаке ласково кивает звериная голова в перьях.

На собачьей морде написана паника: «Боже, кто ты?! Зачем ты пахнешь как человек?!»

Боязливо поджав хвост, пес ретируется под лавку.

Смеется весь пароходик, включая самого вольта с львиной головой.

Смех из-под маски доносится глухо и страшновато, убеждая собаку, что под лавкой ей будет гораздо удобнее…

Устройство здешней жизни проще московского.

Это объяснимо.

Более или менее безразлично, на каком стуле ты сидишь в маленьком ресторанчике, если перед тобой багровое солнце заваливается за горизонт на фоне филигранной колокольни святого Георгия, и моря, и парома, волокущего стреноженные автомобили с суши на сушу – из Кьоджи[37] на Пьяццале Рома[38]. В общем, не очень важно, каким именно фартуком подвязана твоя веселая парикмахерша, если за окном ее маленькой паруккерии шумит улица Гарибальди, выходящая прямо к лагуне.

Утром, часов в шесть, на канал святой Анны приходит лодка с рыбой.

Сегодняшний улов – рыба-меч, страшная и громадная. В рыбной лавке добыча производит сенсацию. Чудище фотографируют и немедленно помещают на фейсбук.

Булочница из лавки напротив (та самая, что не пускает к себе собак) бежит через улицу, и ей отрезают шмат «пешьи спады».

У соседского мальчишки-подростка день рождения. Подарок – новый телефон, с которым мальчишка бегает по соседям, восторженно вереща. Мне приходится оценить качество фотокамеры.

Парикмахерша, намазав мои волосы краской, сует мне в руки Gazettino – наш местный боевой листок. На первой странице статья о хулиганах-подростках, напавших на какую-то старушку.

– Читай! – командует парикмахерша. – Куда катится этот мир?

Мир перекатывается за окнами детскими голосами, полуденным колокольным звоном, гудками буксиров и криками чаек. Чей-то мяч влетает в открытую дверь и катится мимо меня…

…в более или менее определенную бесконечность.

[37] Комунна в Венеции.

[38] Пьяццале Рома – самая традиционная городская площадь Венеции.

Производственное

«Большая часть того, чему мы их учим, им никогда не пригодится».

С этой фразы начинается каждый второй текст про высшее, среднее и вообще любое образование.

Кажется, мы обанкротились, и груды самоцветов, которые мы считали самой твердой из всех валют, превратилась на наших глазах в цифровые черепки – лежат у ног любого дурачка, попроси Siri, она тебе выберет картинку поярче, историю поинтереснее…

Вся громадная Библиотека, написанная человечеством за его долгую историю выщелкивается на крошечный светящийся экранчик нажатием нескольких несуществующих кнопок – часто в кратком изложении, для тех, кто не любит «лонгридов».

Сейчас уже не так просто вспомнить, зачем же мы приходили в аудитории Московского университета в те незапамятные годы, когда книжки еще были прямоугольными предметами, пахнущими старой бумагой и временем, когда иностранные тексты еще «читали и переводили со словарем», а конспекты писали в тетрадке.

Кажется, я могу вспомнить две вещи.

Первая и самая главная – мы шли «к своим».

Над нами и тогда посмеивались одноклассники, презирая наши очки, сложноподчиненные предложения и нелепые цитаты.

И тут…

Знаете, у великого профессора Гращенкова, читавшего в далекие советские годы будущим искусствоведам описание и анализ художественного произведения, был такой фокус. Посреди лекции он (очень к месту!) цитировал Гумилева – не просто не включенного, а начисто вымаранного из школьной программы. Начинал наизусть «Заблудившийся трамвай» и вдруг где-то посередине «забывал» текст. И смотрел в зал на первокурсников – продолжит ли кто-нибудь? Продолжали всегда. Пусть один, двое – но всегда.

Это был, конечно, снобизм. Теперь такое не принято, а тогда принято было. В то нетолерантное время еще можно было спрашивать: чужой? Свой?

Какая, собственно, разница, вспомните ли вы, что там дальше:

…Мчался он бурей темной, крылатой,
Он заблудился в бездне времен…
Остановите, вагоновожатый,
Остановите сейчас вагон…

Без интернета, помните?

Один человек не делается хуже другого от того, что не помнит наизусть Гумилева. И наоборот, доскональное знание поэзии Серебряного века и музыки позднего барокко не мешает человеку быть мерзавцем. Но нам тогда было важно, что мы со своими дурацкими стихами и мечтами – не одни.

Второй вещью была магия.

Самая натуральная магия высшей пробы.

В юности мне посчастливилось несколько раз попасть на лекции Сергея Сергеевича Аверинцева. До сих по мне кажется, что я не видела ничего чудеснее этой «игры в бисер», этого блеска и изящества работы человеческого интеллекта.

Никакого практического применения нет и не может быть у поэтики ранневизантийской литературы. Никак нельзя использовать ни для каких утилитарных целей этот самый «счаст-

ливый брак биографического жанра и моральной философии». Это было волшебство. Чистое, хрустальное, бесполезное и великолепное. Магия.

Ну и вот. Старики умерли. Мы постарели. Мой Университет сильно изменился.

Иногда мне кажется, что не к лучшему, но ворчать – это дело стариков, а дело молодых – громить и ниспровергать.

Мы ждем их каждый сентябрь – молодых и незнакомых.

Мы, к сожалению, не чета ушедшим и уходящим сейчас.

Но кое-что мы все-таки помним.

Попробуем научить их искать правду и любить магию – в вышеупомянутом смысле.

Попробуем стать для них «своими».

Среди них все равно, несмотря на все гаджеты, хоть один да найдется, кто встанет и закончит за нами «забытые» строки.

Мы стареем.

Не меняются только наши студенты.

Наши гении и прогульщики, умники и лоботрясы, вечно молодые, вечно нахальные. У них впереди вся жизнь.

Если нам очень повезет, они будут поминать нас добрым словом.

* * *

Зима, восемь часов ночи (что значит – не бывает? Еще как бывает, это летом в восемь часов утро, а зимой… словом, не придирайтесь).

Восемь часов ночи, декабрь, мороз, гололедица.

Факультет журналистики МГУ имени Ломоносова стоит как бы на пригорочке. То есть, пока вы молоды, хороши собой, а на дворе лето, он стоит на ровном месте. А когда вам немного за тридцать и на дворе скользко, то это пригорочек. По которому я и ползу к дверям в своих модных зимних ботиночках как корова по льду. Боковым зрением замечая при этом какое-то непривычное движение подле памятника отцу-основателю.

Ломоносов, как знают москвичи, сидит напротив нашего корпуса в удобном кресле и завитом паричке, выставив вперед одну ножку в чулочке, и созерцает стены Кремля.

Весной и осенью вокруг великого ученого курят, целуются, списывают и прогуливают лекции благодарные потомки. Но в восемь ночи в декабре…

Поравнявшись с монументом, я и изумление вижу немолодого мужчину в чем-то вроде телогрейки. Мужчина с большой аккуратностью расстилает на постаменте перед изваянием газетки, затем снимает шапочку, встает на колени на одну газетку, осеняет себя крестным знамением и творит земной поклон, стукаясь лбом во вторую.

Невероятное зрелище вместе со мной наблюдает с крыльца факультетский охранник.

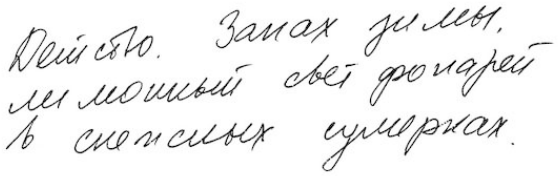
– Это чо такое? – спрашивает меня охранник. – Это он зачем это?!

– Это что-то личное, Иван Иваныч, – отвечаю я шепотом. – Мало ли как оно бывает…

Мужчина, меж тем, поднимается с колен, складывает газетки в сумочку и идет к нам. Охранник, как истинный офицер, прикрывает меня плечом и спрашивает гражданина, в чем, собственно, дело.

На лице у гражданина, меж тем, мерцает благостная улыбка, и он, сложив ручки, ответствует:

– Я, граждане, ничего. Я вот святой великомученице Татиане, как видите, поклонился, а теперь её́нную церковь посетить желаю. Это направо, налево иль прямо?



Мы с охранником машем в сторону храма, и богомолец удаляется в бледный рассветный полумрак. Охранник нервно закуривает.

– А что, хороший памятник, – говорит он.

– Главное – универсальный, – киваю я.

* * *

Кофе растворимый в пластиковом стаканчике, холодный март за окнами, грустный студент Козяфкин с тяжеленной папкой газетных материалов… Господи, неужели я все это задала?

Какие мстительные порывы руководили мною? Зачем несчастный юноша так подробно, с употреблением всей возможной терминологии, рассказывает мне о дефектах в системе защиты ядерного реактора на станции Фукусима?! Чего хотела я добиться от потерпевшего? К чему готовила я его? Какие, простите за выражение, компетенции предполагала я привить на это тощее древо? Не ведаю.

И главное – ведь я же опытный человек. Пожилой.

Ведь когда я кричала: «Не выучите – не приходите», я ж ведь знала, КТО будет слушать это вот «выучите», правда?

Грехи мои тяжкие…

* * *

– Татьянавиктна, а вот студент Мумусечкин с третьего курса…

– Нет там Мумусечкина.

– Есть, Татьянавиктна. Вот же он в списочке.

– Знаю я ваши списочки, Аннаиванна. Вы там в учебной части все время мне каких-то несуществующих людей приписываете…

– Мумусечкин существует!

– Не существует!

– Вы просто не хотите, чтобы он существовал, и отрицаете реальность!

Ладно. Аргумент. За мной это водится. Я иногда отрицаю реальность.

– Хорошо. Что Мумусечкин?

– Мы хотим его отчислить. Он ведь у вас прогуливает?

– Не то слово. Я вообще не знаю, кто это.

– Вот видите, как далеко зашло! Так напишите докладную. А то он того… Сознание расширяет.

– В смысле?

– В смысле курит дрянь всякую.

– Аааа, так я тогда знаю Мумусечкина!

– Вот видите. И все мы знаем его исключительно с этой стороны…

* * *

– Вы, Татьянавиктна, не понимаете разницу между победителями и призерами.
– Не понимаю.
– А Олимпиада уже в субботу. Не знаю, как и проведем, если вы не поймете.
– Я пойму, обещаю вам. В крайнем случае, пойду к Мумусечкину.
– Зачем?!
– Попрошу у него щепотку того, чем он сознание расширяет.
– Думаете, это выход?
– Надо Мумусечкина спросить…

* * *

– Татьянавиктна, мне к пятнице учить про режим Каддафи?
– Не надо, Козяфкин. Выучите мне веселое и приятное.
– ???
– Стихи, что ли…
– Откуда ж я возьму стихи?!
– А вот знаете Мумусечкина?
– Знаю… Только вам те стихи едва ли подойдут…

* * *

Чрезвычайно продуктивно опоздала на производство.

Я ненавижу ненавижу-ненавижу-ненавижу КОЛГОТКИ.

Простите. Вырвалось. Перенервничала.

Зима. Мороз.

Видимо, Президент Российской Федерации тоже подзадержался, потому что обычно он уезжает на работу чуть раньше.

В итоге я провела изумительные 25 минут в ледяном автобусе, ожидая, пока президентский кортеж… Словом, неважно.

У дверей метро на асфальте лежала собака. Большая, лохматая, совершенно неприличная собака. Собаку пинали нечаянно и нарочно, но она снова ложилась – нос под хвост, калачиком. Ибо из метро дуло теплым.

– Иди в тепло, – сказала я собаке.

– Ага, щас, – сказала собака. – Хорошо тебе говорить. А меня сейчас выпрут, да еще и сапогом…

Я придержала дверь и легонечко пнула собаку внутрь.

– Вот тут за аптечным ларьком тебя никто не заметит, – сказала я.

– Уф, – сказала собака блаженным голосом.

– Нельзя, – сказал милиционер.

У милиционера была тонкая шея и большие уши. Лет милиционеру было мало.

– Будь человеком, – сказала я. – На улице очень холодно.

Милиционер подумал, и сказал:

– Фиг с ней, пусть спит. И правда, мороз.

От милиционерского милосердия меня настиг катарсис, и я не пошла в метро, а пошла назад наружу. Там было очень холодно, но в ларьке напротив продавали горячие блины. Я купила милиционеру блин со сгущенкой и блин с ветчиной, а собаке – блин с ветчиной.

Когда я повторно вошла в метро, милиционер стоял подле спящей в тепле собаки и был задумчив.

– Ой, что вы, не надо, я ее и так не выгоню, вы не бойтесь, тетя! – сказал милиционер, завидев блин.

– Ты любишь сгущенку? – спросила я.

– Очень, – сказал милиционер.

Собака ничего не сказала и съела блин молча.

По дороге на производство я мечтала о том, как вечером милиционер не выгонит собаку, а возьмет ее домой, и они будут жить долго и счастливо, и умрут, конечно, не в один день, но в любви и согласии…

Понимаю. Все понимаю. Извините.

На производство, стало быть, я опоздала.

Поэтому скандал я застала на излете.

На факультете была пожарная проверка. Проверка застала лаборантку в углу за шкафом, где та КУРИЛА, пряча сигарету в карман пиджака.

– На улицу?! Хорошо!!! Я пойду на улицу!!! Я лягу в снег и буду курить там!!! – кричала лаборантка. – И вам всем будет стыдно, когда я замерзну насмерть и подохну!!! Да в такую погоду СОБАКУ НА УЛИЦУ НЕ ВЫГОНЯЮТ!!! Скажите им, Татьянавиктна!!!

– Вы не собака, Катенька, – сказала я, – Идите на двор…

Этот текст не о том, как я прослыла Дракулой.

У этого текста есть мораль.

Она очень непритязательна: берегите друг друга.

* * *

В конце ноября, покидая Венецию, я некоторое время раздумывала, не купить ли на Терра Сан Леонардо болотные сапоги.

Сегодня утром, добираясь до производства, я раздумывала о том, что раздумывать было нечего, а надо было брать.

Со стеклянного купола, венчающего производство, медленно сползают пласты подтаявшего снега. В аудиториях на третьем этаже капает с потолка. Уборщица Анна Петровна меланхолично меняет ведра.

Я истерически стучу по клавишам ноутбука, ваяю очередной список.

Краем уха слушаю Анну Петровну.

Речи Анны Петровны грустны и загадочны:

– Ёж жеж твою дивизию, – причитает Анна Петровна, махая тряпкой. – СтаканОм да об стенку, твою же ж налево… А оно брызги, да по свежей побелке… Международная, туды ее, журналистика… Надавали им стаканОв пластмассовых… Кофе пьют, баре! Журналисты! Слово какое на парте пишет, сын гадючий… Писать его, собаку, научили… На кафедре стилистики и научили… Вон, сок она пила. Сок пила, а мусор Анпетровна выгребай… Стоят, губы красют… Научили их губы красить… Профурсетки…

Анна Петровна гудит привычно и мерно.

Прислушавшись, я внезапно холодею:

– И скачет, подлец, и скачет… И наглый же такой… Я его щеткой, а он, сволочь, под потолок взлетел и сидит на лампочке… Международная, туды ее, журналистика… Вот до чего

дело дошло! Мало что на лампочке сидит, так и нагадил еще сверху, посреди парты кучу наложил… А Анпетровна – убирай…

– Анна Петровна, – очень тихо говорю я. – Вы только что сказали, что студент международного отделения взлетел под потолок, сел на светильник и накакал на парту. Анна Петровна…

– Милая, – жалостливо отвечает Анна Петровна. – Голубь это. Голубь в 321 аудиторию залетел, никак не выгоним, на парту вон нагадил. В отпуск бы тебе, милая. С ума ты сойдешь с этими кампутирами…

За окном – отчетливая капель.
С крыши Манежа скидывают снег.
В отпуск, в общем, надо.

* * *

Вообще меня чрезвычайно утешает наличие в жизни абсурда. Мне представляется, что абсурд – это такая нежная улыбка трансцендентного. Привет из потустороннего мира. Нечто вроде дружеской руки на плече: «Ну что ты, дурашка, мечешься? Здравым смыслом своим трясешь, как дура бубном? Успокойся. Мир велик, жизнь непознаваема, грядущее таинственно, прошлое туманно, про настоящее вообще думать не хочется. Пойди, приляг!» Ну разве не утешительно?

– Она не создала мне условий, – строго молвит девушка Пупсикова. У девушки нежный профиль, каштановые кудри, короткое черное вечернее платье с большим вырезом на спине и розовые резиновые сапоги в крапинку. В руках у Пупсиковой шуршит пачка докладных на преподавательницу испанского языка Анну Иванну.

Анна Иванна мается тут же, тиская в руках докладные на прогульщицу и хамку Пупсикову.

– Какие условия, милая? – ласково уточняю я, держа голову руками. В последнее время я придерживаю голову на привычном месте. Знаете, не ровен час…

– Большую часть времени на занятиях испанским языком мне было неинтересно, – говорит Пупсикова таким голосом, что становится ясно: дело плохо.

– Кошмар какой, – пугаюсь я, – прямо кровь стынет в жилах. Вам – и не интересно. А что ж Анна Иванна? Пыталась ли она как-то исправить это страшное положение?

– Она была ко мне равнодушна! – сообщает девушка.

Поджавшая хвост Анна Иванна нервно поправляет очочки:

– Это «нулевая» группа, Татьянавиктна! Начинающая! А она пропускала по три-четыре занятия кряду… Она потом не понимала, что мы все говорим… Она не учила… Она совсем ничего не учила!

– Анна Иванна, – строго перебиваю я. – Мы ж не о том говорим. Вы мне расскажите, как вы допустили, что девушке стало неинтересно.

– Да! Как вы допустили? – поддерживает потерпевшая девушка.

– Вы что ж, не понимаете, Анна Иванна, как это страшно, когда НЕИНТЕРЕСНО?!

– Да! – говорит девушка.

Преступная Анна Иванна шмыгает носом.

Вообще, знаете, я устала.

От этой усталости у меня немного деформировалось мировоззрение.

Весна. Великий Пост к концу идет. Бурная административная деятельность доконала. Головокружения. Курицы жареной хочется. И перемены участи. На курицу, вообще-то, наплевать. Не так уж и хочется. Вот перемены участи…

– Что же нам с вами делать с Анной Иванной, Пупсикова? – спрашиваю я. – Что делать с этой жалкой, ничтожной личностью, которая не смогла заинтересовать вас испанскими глаголами? Понятное дело, что мы ее уволим немедля. Это не обсуждается. Но вот чем компенсировать вам моральный урон? Как залечить нанесенную травму? Быть может, перечислить вам на телефон полугодовую зарплату Анны Иванны? Или как-нибудь опозорить эту бездарь перед шеренгой ваших однокурсников?!

– Вы чо?! – внезапно пугается Пупсикова. – Вы чо?! Какое «уволить»?! Это я, я виновата! Это я сама дура! Я прогуливала!!! А Анна Иванна – она хорошая! Она классная! Она знаете как учит отлично?! Я вот прямо все знаю! Вот смотрите: «Йо трабахо ин иль сентро»…

– Но вам же было неинтересно!

– Это потому, что я прогуливала и я вообще дура! Правда, Анна Иванна?

– Неправда, Пупсикова! Вы умная и хорошая девочка! Я дам вам упражнения и зачет поставлю!

– И вообще, Татьянавиктна, не смейте обижать Анну Иванну!

– И вообще, Татьянавиктна, не оскорбляйте Пупсикову!

– Идемте отсюда, Анна Иванна!

– Идемте, Пупсикова!

* * *

Мимоходом, в коридоре напротив деканата.

Бывший студент. Мой незапамятный первый выпуск.

Теперь уж депутат Госдумы, важная персона в какой-то там партии, костюм-галстук…

– Как дела, Сашенька? – спрашиваю.

– Отлично, Татьянавиктна, – отвечает, – вот дочку третью родили. Такая девочка хорошая… Старшенькой пять, средней три, а этой – два месяца. Теперь книга у меня настольная появилась…

– Бенджами Спок? – угадываю я. – «Уход за ребенком»?

– Вильям Шекспир. «Король Лир»…

Дева на стульчике в кафедральном коридоре.

Говорят, в 20 лет они все хороши. Правду говорят. Хороши все. Но некоторые…

Челка, ресницы, щиколотки, запястья, юбка, иссякшая задолго до скульптурного колена, и нижняя губа такая… Припухшая. Ну, вы понимаете.

– Красота неземная, – говорю, отпирая кафедру, – Вам кого?

– Я насчет перевода на ваш факультет.

– Откуда?

– Ой, из этого… Из Университета Глобальных Искусств. Меня к вам прислала Эмилия Мафусаиловна. Вы ее, наверное, знаете.

Кто ж не знает Эмилии Мафусаиловны. Эмилия Мафусаиловна работает на несмежном факультете доцентом. Преподает что-то вроде структурно-прикладной фонетики японского языка, носит очки в металлической оправе и служит науке так истово и рьяно, что кажется порой – сама наука побаивается Эмилии Мафусаиловны.

– Деточка, – праздно интересуюсь я, – неужто Эмилия Мафусаиловна участвует в вашей судьбе?

– Где? – удивляется деточка. – А, нет, она не в судьбе. В смысле, не она… Эврипид Фомич участвует.

– Эврипид Фомич?!

– Ну да. Он это… Ну как бы сказать… Он ей вроде как муж.

– Вроде как?

– Ну, практически, муж. Но пока.

– Пока?

– Ой, ну вы меня совсем запутали. Эвичка… В смысле, Эврипид Фомич… Он пока что муж Эмилии Мафусаиловны. Временно. Но дело не в этом. Он сказал, что пока он… Ну, пока он муж, мне надо перевестись. Понимаете?

– Вы не просто красавица, – лгу я. – Вы еще и умница. Вы так мудрено говорите, что я не понимаю.

– Ну это же так просто, – вздыхает умница и красавица. – Я сейчас в платном университете учусь, а Эвичке это дорого. Еще и квартиру снимать… Он хочет, чтоб я сюда перевелась, пока он еще женат не на мне, а на Эмилии Мафусаиловне.

– Рыбочка, а Эмилия Мафусаиловна в курсе, что Эврипид Фомич на ней женат временно?

– Ой, что вы, конечно нет. Это тайна, это никому нельзя говорить. Мне Эвичка так и сказал: никому не говорить!

Юность. Такая нежная, такая короткая…

* * *

В мае преподавать трудно.

Московская весна… Ее как-то не замечаешь, а потом неожиданно – бац, и вот оно: Александровский сад цветет, деревья внезапно образовали возле памятника Ломоносову узорчатую тень, и фонтаны бьют на Манежной, и у заведующей учебной частью лицо такое… вдумчиво-сентиментальное.

И выпускники с букетами, и первые защиты дипломов…

И люди удивительные стали появляться. Это главный признак.

Вот студент пришел в трусах.

Ну, то есть, это я так полагаю. Сам-то он, надо думать, считает эту одежду шортами.

Жалобу принес на мою коллегу. Дескать, она его с занятия выгнала.

– Чем мотивировала? – спрашиваю.

– Я под стол залез.

– Международное отделение, что ли?

– Почему? Общее.

– А зачем же вы туда полезли?

– А если б международное было, вы б не спрашивали?

Умный, стервец. Хоть и двоечник.

– Он не просто полез, – печалится коллега, – он встать пытался, со столом на спине.

– Зачем? – спрашиваю.

Стоит. Руки в карманы трусов засунул. Мается.

– Из хулиганских, – говорит, – побуждений. А Мариванна меня выгнала.

– Неудивительно.

– Так я и не удивился, я обиделся. И не пришел на следующий день.

– Так вы, стало быть, пропустили занятие.

– Типа. Не одно. Несколько.

– Стоп. Это вы когда под стол-то влезли?

– В сентябре.

– А сейчас?

Смотрит с тоской в окно. За окном цветет май, и ветер тихо шевелит шторку…

Зачета нет за зиму. Завтра – комиссия по отчислению.

– А на что же вы обиделись? – спрашиваю. Надо же что-то спросить…

– Она меня идиотом назвала.

– Скажите честно, вы сами-то как себя после этого назвали бы?

– Это другой вопрос, – отвечает.

Не поспоришь.

И главное – не поспоришь.

* * *

Или вот – поздняя осень. 7 ноября.

Весь день настроение хорошее.

Организм привык, что ли, в этот день праздновать?

Утром радио предупредило. Радио сказало мне: «Не нужно, Таточка. Там, снаружи, сегодня день Октябрьской Революции. Вокруг того места, где ты даром получаешь зарплату, проходят марши, процессии, возложения и другие процедуры, совмещенные с перекрытием Моховой улицы. Езжай на метро. А не хочешь езжать – еехай».

Я не против метро. Хорошая вещь.

Сижу. Еду. Двигаюсь в сторону высшего образования по специально вырытому в земле тоннелю. Остановка. В вагон входит старушка – божий одуванчик. Ищет место, куда присесть. Присесть некуда. Вся лавочка занята мною и еще пятью здоровыми молодыми людьми мужского пола. Старушка мается, у нее тяжелая сумка. Я оглядываюсь. Старушка мается. Я встаю, уступаю место старушке. Стою несколько нависая со своей сумкой над одним из сидящих молодых людей.

– Уберите сумку! – говорит молодой человек, – Она мне мешает.

– Ах ты, паразит, – не выдерживает «одуванчик», – тетка встала место мне уступать, а он мало того, что сидит, он еще и замечания тут делает, засранец!

– Слышь, бабка, заткнись, – равнодушно роняет юноша. – Ей неймется – она встала. А мне ймется, и я сижу. Отвали.

– Ах ты, мерзавец! – взвивается старушка.

– Тссс! – говорю я. – Тише, мать. Мы с тобой в таком возрасте, когда ИСТИНЕ нужно внимать смиренно и благоговейно, в каком бы парадоксальном контексте она ни была нам явлена.

– Чо?! – удивляется юноша.

– Чо?! – вторит старушка.

– Ничьи уста, – поясняю я, – неспособны осквернить истину, в то время как истина способна облагородить самые неожиданные уста! – продолжаю, подтягивая с себе сумку с учебниками, компьютером и аспирантскими тестами.

– Это вы про чо щас вообще?! – приподнимается юноша.

– Это я про то, что вы совершенно случайно изрекли абсолютную истину. Мне неймется. А вам ймется. Ничего умнее я не слышала за последнее время, как бы неожиданно ни прозвучало вышесказанное в данных обсто…

– Это чегой-то?! – продолжает восставать юноша.

– Цыц, мартышка патлатая! – неожиданно вступает мужчина из-за моего плеча.

– Вы это мне?

– Я это ему.

Станция «Арбатская».

Вагон уносит от меня участников дискуссии, я бреду по Моховой мимо старушек с портретами Сталина, пытающихся найти дорогу на Красную площадь.

Вдоль старушек чешет на занятия журфак.

– Деточка, как пройти к Вечному Огню?

– Это в ад, что ли? – через плечо бросает деточка, оттянув наушник ай-пода.

– Какой ад?! Ах ты, паразит…

– Вон туда вам, милые. – говорю я – Там все. И огонь, и могилки…

Старушки, благодарно кивая, семенят в сторону Исторического музея.

* * *

– Что это у вас такое настроение хорошее? – спрашивает охранник на входе.

– У нас с вами прекрасная работа, – отвечаю я. – Всегда с молодежью!

– Здрасти, Татьянавиктна, – слышу из-за спины. – Вы меня помните? Моя фамилия – Тумбочкин. Вениамин Тумбочкин. Помните, вы обещали мне в следующем семестре башку отвинтить?

– Да неужто? Что же вы, Тумбочкин, сделали для того, чтобы я вам дала такое страшное обещание?!

– Я у Розалии Моисеевны ни одного занятия не посетил, и вы мне когда трояк за экзамен ставили, то обещали башку отвинтить, если я еще хоть раз прогуляю.

– Ну и?

– Я прогулял! Я у Розалии Моисеевны опять ни одного занятия не посетил, а она меня к тесту не допустила и сказала, что зачет не поставит!

– Ааа, как же, вспомнила! Тумбочкин. Вы честный человек, Тумбочкин! Другой бы от меня прятался, а вы сами пришли! Иван Иваныч, держите его покрепче!

– Этого? – радуется охранник. – Да как нечего делать!

– Зачем меня держать?! – опасливо отскакивает Тумбочкин.

– Вениамин, не портите впечатление! Вы ж пришли чтоб я вам башку отвинтила?

– Нет!!!

– А зачем?!

– Чтоб вы Розалии Моисеевне велели меня к зачету допустить!

Если кто думал, что я ворчу на молодежь – ошибаетесь.

Наоборот. Ровно наоборот.

* * *

– Христос Воскрес! – сказало мне начальство. – Вот, подпишите бумажку.

– Воистину, – ответила я. – Правда, до сей поры Воскресение Господа нашего происходило без моей подписи, но если надо…

– При чем тут воскресенье? – удивилось начальство. – Это про то, что вы осуждаете безнравственное поведение председателя профкома Тютькиной.

– Гм… Видите ли, дело в том, что я не имею чести знать госпожу Тютькину…

– Ваше счастье.

– Очень вероятно. Но тем не менее…

– Я не понимаю. Вы хотите познакомиться с этой Тютькиной?

– Ни малейшего желания… Но вот так заочно подписать…

– Вы же видите, распоряжение спущено сверху. Вот и выписка из протокола. Видите? Госпожа Пупкина, Тяпкина и Тряпкина выступили с осуждением… Что вам еще надо?

– Мне надо понять, что именно натворила председатель профкома Тютькина.

– Вы себе представить не можете.

– Доверьтесь моему воображению. Мне есть с чем сравнивать… Лукреция Борджиа… Графиня Батори…

– При чем тут графиня? Тютькина – председатель профкома. Описанию не поддается, что она вытворяет. Хорошо, не хотите подписывать всю бумагу – подпишите, с какими пунктами вы согласны. Вот например, вы безнравственность в принципе – осуждаете?

* * *

Холодно и пасмурно.

Коллеги, отработавшие первую пару, усаживаются вокруг кулера.

Неутомимая Анна Ивановна копирует что-то из журнала «Экономист», и старенький ксерокс плюет в Анну Ивановну листами испачканной бумаги.

– Машечка, как мне положить в аппарат бумажку, чтоб на обратной стороне правильно напечатался текстик?

– Как покойника, – отвечает невозмутимая лаборантка, – вверх лицом, вперед ногами.

– Что вы такое говорите! – ахает чувствительная Эвелина Петровна. – Никаких покойников не бывает!

На кафедре пахнет кофе – плохим, растворимым, но все же это кофе. Кофе стимулирует умственную деятельность.

– Татьянавиктна, – строго начинает Мариванна, – вот вы в своем учебнике пишете…

– Что пишу? – вздыхаю я. Я – удобная мишень. Оксфордским авторам так просто не выскажешь, а я – вот она. И дело не в качестве. Оксфордские коллеги безупречны, я – нет, но у Мариванны есть обоснованные претензии ко всем.

– Вчера я читала перед сном ваш учебник и нашла в нем спорное.

– Так это же хорошо, дорогая!

– Это плохо. Все написанное должно быть бесспорно, а у вас там какие-то мнения…

В коридоре напротив дверей кафедры мается «переводник».

Нет, это не тот человек, что переводит Гомера на иврит и детей через дорогу.

Это грустный Василий Топотунчиков, не до конца переведенный к нам из ИСАА. Почему-то путь вверх по Моховой от ИСАА до журфака занимает у несчастных коллег Топотунчикова многие месяцы, а переход через Никитскую превращается в переход через Альпы с элементами форсирования Днепра.

– Мне бы досдать, – курлычет Топотунчиков.

– Идите, учите! – непреклонно чеканит «немец». – Я по средам не подаю.

Топотунчиковы дела плохи. Немцы наши строги…

Меж тем за окном все мрачнее, и коллеги наливают по второй чашечке растворимого.

– А давайте никуда не пойдем? – внезапно предлагаю я. – Сядем тут, а студенты пусть нас ищут!

Сумрачные утренние лица любимых коллег расцветают улыбками.

Предложения сыплются как горох из рваного пакета:

– А давайте вообще запремся на кафедре.

– Изнутри, и ключ выбросим.

– И скажем: «Ну вас!»

– Мы тут запросто продержимся, у нас есть печеньки!

– И кофеечек!

– А когда из ректората приедут, мы из-под двери дразниться будем…

– И никого не впустим!

– Пора на пару, – внезапно говорит Эвелина Петровна голосом профессионального джой-киллера.

Коллеги вздыхают, глядя на часы, разбирают учебные магнитофоны, и бредут по коридорам.

На лицах коллег лукавые улыбки.

Чувствуется, что даже несостоявшийся карнавал непослушания исправил им настроение.

* * *

– Пупочкин, что это вы мне сдали?

– Это перевод, Татьянавиктна…

– Пупочкин, это НЕ перевод. «Журналистика, становясь таковой, в процессе сущностной глобализации медиа-пространства, отвечает на челленджи времени, исходя…» – это НЕ перевод.

– А что это, Татьянавиктна?

– Это поток вашего сознания, Пупочкин. И поток этот причудлив и страшен. А мне нужен перевод. Такой, чтоб его без ущерба для психики смогли прочесть нормальные люди.

– Что ж вы сразу не сказали…

– Про что?!

– Про нормальных людей…

– А вы на кого рассчитывали?!

* * *

– Я сделал презентацию для экзамена, Татьянавиктна!

– Похвально. Могу ли я взглянуть?

– Не хотелось бы.

– Мусечкин, вам ведь придется доложить все это на экзамене. Не лучше ли показать мне это сейчас?

– Не думаю.

– Мусечкин, скажите правду, не щадите меня, не нужно. Что с презентацией?

– Она получилась какая-то страшная.

* * *

– Татьянавиктна, Анна Иванна не хочет принимать у меня портфолио.

– Покажите портфолио.

– Вот.

– Козяфкин, это не портфолио. Это то, за что в моем детстве давали два тома Дюма. То есть макулатура.

– Но тут переводы и статьи!

– И по каким признакам Анна Иванна должна об этом догадаться?

– Я понимаю. Портфолио немного неряшлива. Неряшлив. То есть, неряшливо. Но ведь это портфолио. Нельзя отказывать мне в допуске на экзамен из-за разногласий в терминах!

* * *

– Я не хочу учить устройство местного самоуправления в Великобритании!

– Зюзечкин, мы с вами обсуждаем экзаменационные билеты, а не ваши парадоксальные интенции.

– Как это?

– Упрощенно говоря, будете учить то, что я велела.

– Это волюнтаризм, Татьянавиктна.

– Не спорю. Но жизнь неимоверно несправедлива.

– Мне не нужны эти знания! У меня все это не вмещается в голове.

– Это потому, Зюзечкин, что вы учите много лишних слов. Выбросьте из головы слово «волюнтаризм», и там поместится самоуправление в Британии.

Четвертый курс. Международное отделение. В следующий вторник гос. Как бы выпускной.

На гос велела всем прийти бритыми и при галстуках.

* * *

Мой любимый студент Козяфкин является на экзамен с лицом, заклеенным лейкопластырем.

Читатель ждал бенефиса Козяфкина? Ну так вот.

Приемная комиссия сидит среди цветов, благожелательно рассматривая портфолио студентов. В помещении пахнет лилиями и умственным напряжением.

– Что у вас с лицом?! – испуганно вопрошает комиссия.

– Так это… Татьянавиктна же…

– Расцарапала вам физиономию?!

– Не, что вы! Она велела прийти на экзамен при галстуке и с бритой мордой!

– Наверное, она употребила слово «лицо»?!

– Ради торжества истины я должен сказать…

– Берите билет, Козяфкин! – вмешивается Татьянавиктна.

– Так почему же вы в пластырях?! – не унимается комиссия.

– Я брился. От страха у меня тряслись руки. Вы видите результат.

– Кого же вы так боялись?!

– Татьянувиктну!

Поерзав на стульях, комиссия осматривает Татьянувиктну с каким-то новым чувством.

– Поверьте, – начинает Татьянавиктна задушевным голосом, – это такой нахальный паразит, что я…

– Вы пристрастны! – строго констатирует комиссия.

Ответ Козяфкина сопровождается умильными причмокиваниями комиссии и змеиным шипением Татьянывиктны. Комиссия умиляется тому, как раненый Козяфкин виртуозно овладел лексикой по профессиональной тематике, Татьянавиктна бухтит о том, что отмена телесных наказаний пагубно сказывается на системе высшего образования в целом, и на студенте Козяфкине в частности.

– Вы необъективны! – укоризненно сетует комиссия. – Что это за подход – драть?

– Татьянавиктна права, – самоотверженно комментирует покаянный Козяфкин, – меня надо было драть…

– Вы такой милый мальчик! – умиляется комиссия.

– Нет, я тот еще паразит, – хлещет себя по щекам Козяфкин.

– Это пять! – сообщает комиссия.

– Сколько?! – хором переспрашивают Козяфкин и Татьянавиктна.

Словом, Козяфкин получил четыре.

Я – двадцать одну розу алого цвета и право больше этого не видеть.

– Все, Козяфкин, – сказала я, с трудом удерживая розы. – Наше с вами сотрудничество на этом закончено.

– Я к вам осенью на спецкурс приду, – ответил Козяфкин, – я уже решил…

* * *

Февраль.

По утрам почти светло. Над Кремлем в стылое небо поднимаются из Замоскворечья тугие белоснежные дымы и солнце пробует силу на золотых куполах. И город дышит бензином, морозом, и чем-то еще – февральским, утренним и неповторимым.

На факультете шумно – у профессуры конференция.

Серьезные университетские люди с портфелями и бейджиками, заполошные организаторы, крепкий кофе и вайфай под лестницей.

И в воздухе веет Большой Наукой, и даже студент Хлястиков готов к пересдаче…

У него было полно времени, больше двух недель, и он выучил все-все по моему предмету, все-все…

– Весь английский? – испуганно уточняю я.

Веселое недоумение, смущенный смех, шуршание бумаг.

Пупсиков перепутал меня с преподавателем испанского, и, слава Богу, не английский, а испанский изучил нежный розовощекий Хлястиков в совершенстве и в двухнедельный срок, и не Шекспиру, а Сервантесу предстоит сальто в гробу…

Идите, Хлястиков, идите.

Черт с ним, с Сервантесом, он потерпит, ему, в принципе, все равно, вы только берегите себя, Хлястиков, вы только растите приличным человеком, вы только помните, что ваше профессия – вторая, а не первая древнейшая…

Лаборантка записывает, из учебной части диктуют расписание…

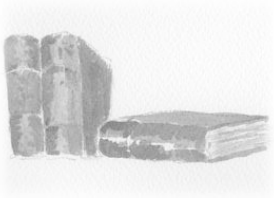
В четверг первая пара – в половине девятого.

А там еще один четверг, и еще, и еще, и затикает, и потечет, и отмерзнет, и липы выбросят клейкие листики, и заиндевелый Михайло Василич стряхнет с плеч снежные эполеты, и будет весна…

В принципе, я пессимист.

В светлое будущее я не верю, но то, что будет весна, – это я вам гарантирую.

Уже неплохо, правда?



Про друга Гошу

Когда впервые возникла идея собрать эти разрозненные записочки в книжку, мои сетевые читатели (в основном – читательницы) просили меня написать про Гошу отдельную главу. Подумав, я решила так и поступить.

Думаю, вы легко угадаете, почему эту главу можно считать отдельной…

Итак, Гоша…

Друг Гоша.

Он появляется в моей жизни в очень напряженный момент.

У отца тяжелая онкология, все уже очень плохо, все рассыпается на части, а мне нужно провести в Москве давно намеченную стажировку для группы иногородних студентов. Почему-то изменяется время их прилета, и я в панике соображаю, что в два часа ночи в Шереметьево прибудут 12 человек, которых не на чем везти в город.

Моя Первая Любовь виртуозно решает проблему: «Записывай. Это номер моего бывшего тренера. Он давно ушел из бокса. Отличный мужик. Ну ты понимаешь. Звони, он все решит!»

Я понимаю. На дворе те самые «лихие девяностые». Малиновые пиджаки, «моторолы» размером с холодильник и люди, «давно ушедшие из бокса»…

Голос в трубке говорит мне: «Не кипеши, все будет. Я подъеду к полуночи, от подъезда позвоню!»

– В подъезде нет автомата, – пугаюсь я.

– Чего нету? А, это… Ничего. Автомат я с собой привезу…

У приехавшего сломанный боксерский нос, цепь на шее толщиной в палец и громадный джип, напоминающий катафалк.

– Как вас зовут? – запоздало интересуюсь я.

– Смотря куда, – звучит ответ. Я оцениваю филологическое чутье собеседника, он оценивает меня. Подумав, сообщает: – Зови Гошей. И вот это вот… На надо «на вы». А то как у прокурора…

Джип выползает из притихшего ночного двора.

– Ну, рассказывай, – приглашает Гоша.

– Что рассказывать? – удивляюсь я.

– Да что хочешь. Откуда ты взялась, например.

Думаю, мы становимся друзьями потому, что ни он, ни я до той поры не встречали в жизни ничего похожего друг на друга.

Какое-то время спустя он расскажет мне про детство в криминальном поселке под Москвой, про бокс, про спившуюся и погибшую мать. Я ему – про университет, Венецию, монастырь кармелиток, про своих студентов. Он будет слушать меня внимательно и недоверчиво, пытаясь примерить мою жизнь к своему опыту. Я довольно скоро пойму, что он очень неглупый человек с очень своеобразным чувством юмора и большим интересом к жизни.

– Что они все делают? – спрашивает Гоша про «людей моего круга».

– Они все очень много работают.

– Например?

– Ну, например… Например… Ну вот Ольга Сигизмундовна, – начинаю я рассказ про любимого университетского профессора. – Она изучает Византию.

– Что это такое?

Да, пример действительно неудачный, что и говорить.

– Как бы тебе объяснить, – мямлю я.

– Мне попроще.

– Ну, в общем, это империя.

– То есть, страна такая?

– Типа того…

– И где она находится?

– Видишь ли…Как бы уже нигде… Она как бы есть, но ее как бы нет.

– Не морочь мне голову. Страна либо есть, либо ее нет. Какая там столица?

– Константинополь, – вздыхаю я, предвидя дальнейшие неприятности.

– Что-то не припоминаю, – говорит Гоша.

– Это Стамбул.

– Что?

– Константинополь. Он как бы находится в Стамбуле.

– Вы все ненормальные? – ласково уточняет Гоша. – Я был в Стамбуле, там нет никакого Константинополя.

Я пускаюсь в рассказы про императора Юстиниана, про династию Комнинов, крестовые походы и прочую ерунду. Гоша слушает внимательно, хмыкает иронически и задает уточняющие вопросы. Потом интересуется:

– Хорошо, а зарплату твоей Сигизмундовне за это все где платят?

– В НИИ Искусствознания.

Не очень глубокая чаша Гошиного терпения переполнена.

– Такого места просто не может быть.

Ну, тут дело проще.

– Сворачивай! – командую я.

Через полчаса мы стоим в Козихинском переулке у известной вывески.

– Так что, все остальное тоже правда?! – изумляется Гоша.

Его жизнь с моей точки зрения устроена не менее причудливо.

Тем более, что на значительной ее части висит амбарный замок: «Этого тебе знать не нужно», – говорит Гоша. Не нужно мне знать подробностей его бизнеса. Впрочем, бизнес интересует меня мало. Человеческие отношения гораздо занятнее.

* * *

Гоша дарит мне цветы. Без повода. Очевидно, где-то в закромах коллективного бессознательного лежит этот постулат: бабе цветы, детям – мороженое. Против бессознательного так просто не попрешь…

Мы идем пить кофе. Гоша вручает мне букет. Нет, наверное, так: Букет. Или даже так: БУКЕТ. Кошмарное сооружение на каркасе с безумными розами и лилиями, прибитыми степлером к каким-то сучьям, вымазанным золотой краской.

– Не нравится? – спрашивает Гоша, оценив мое выражение лица.

– Это очень дорого, – аккуратно отвечаю я.

– И что?

– Когда в следующий раз решишь продемонстрировать мне свою платежеспособность, просто выложи кредитки на стол, я на них посмотрю, порадуюсь за тебя. Не надо для этого издеваться над растениями.

– Значит, не нравится?

– С ужасом думаю, как буду проталкивать его в мусоропровод, когда он завянет.

Гоша хмыкает, рассматривая букет. К столику подходит официантка.

– Это вам, Зинаида, – сообщает Гоша, сверившись с бейджиком на груди у девушки.

– Мне? Просто так?! Такую красоту?!

– Ты поступил очень мило, – комментирую я, когда счастливая Зина уносит букет и приносит нам кофе.

– Цветы, значит, ты не любишь, – задумчиво говорит Гоша, – а мишек всяких плюшевых?

– Мишки – это здорово, – опрометчиво соглашаюсь я.

В факультетском дворе тормозит джип.

– Ты не говорил, что заедешь, – удивляюсь я.

– Мимо проезжал.

Гоша выходит из машины, открывает заднюю дверь и вытаскивает на свет божий плюшевого медведя. Медведь чуть меньше его самого. То есть – большой. Точнее – очень большой. Еще точнее – циклопический плюшевый медведь прелестного розового цвета. Я обнимаю монстра. Медвежьи ноги касаются асфальта.

– Неси аккуратно, – говорит Гоша. – Под ноги смотри.

– Э, погоди! Ты с ума сошел! Отвези меня домой!

– Не, – отвечает Гоша, – я не могу. Стрелка у меня. Пока.

Джип разворачивается и выруливает на Моховую. Вокруг меня собираются студентки. На такси денег у меня нет.

В метро мне уступают место (еще бы!), и весь вагон молча созерцает диковинное плюшевое чудовище. По делу высказывается только мальчик лет пяти.

– Мама, – говорит мальчик, – а куда этот мишка тетеньку везет?

Гоша перезванивает через пять минут после того, как я, под восторженные вопли дочки, втаскиваю «мишку» в дом.

– Я всю дорогу думал, может, стоило тебя подвезти?

Выслушав мою ответную тираду, удовлетворенно резюмирует: «А цветочки-то лучше!»

Гоша не умеет читать.

То есть умеет, но не может. По-научному это называется дислексией. То ли наследственность, то ли 25 лет, проведенные на ринге в агрессивном общении с людьми супертяжелой весовой категории, то ли… В общем, неважно. Текст длиною больше абзаца вызывает у Гоши головную боль и неприятие действительности.

На свою беду я открываю ящик Пандоры, сообщив ему о том, что в мире есть аудиокниги. Слушать истории Гоша любит. Первое время мне удается кое-как контролировать встречу серьезного человека с мировой литературой. «Три мушкетера», например, идут легко. Правда, по итогам мне сообщают, что все четыре героя моей юности – приличные мерзавцы.

Спорить с Гошей о литературе сложно.

Понятия «художественного образа» и метафоры, например, Гошу раздражают. Он небезосновательно полагает, что ему морочат голову.

Через некоторое время я перестаю контролировать то, что он прослушивает за рулем, и все идет хорошо, пока под руку ему не попадает диск с Набоковской «Лолитой».

– Это что такое? – интересуется Гоша. – Это как называется? Ты про такую книжку слышала?

Приходится признаваться.

– И что?! Это как, по-твоему?

– Гоша, это великая литература, – жалобно вякаю я.

– Б******* это, а не литература! – сообщает мне Гоша. – В приличных местах рожу бьют за такую литературу!

Мы спорим долго и, к сожалению, безрезультатно.

Следующим Гоше достается Евангелие.

С опасением жду реакции.

– Ну как?

– Да ничего хорошего. Ни за что, ни про что замучили приличного человека…

Мои инвективы насчет того, что некоторым нужно слушать сказку про репку и не совать носа дальше, Гоша воспринимает хладнокровно.

– Уж всяко приличнее, чем это вот…

* * *

– Вот ты все про Родину говоришь…

– Я? Про Родину?

– Ну, не говоришь, ладно. Думаешь.

Гоша вернулся в Москву после недельного отсутствия – был по делам. Там, «на Родине». То есть за границами Московской области. Гоша настроен философски. Лето, жара, «Кофемания» ни Никитской, веранда…

– Вот тут, – широкий жест в сторону Консерватории и Петра Ильича на постаменте. – Все сложно как-то. Там проще.

Я киваю. Вероятно, проще.

Гошин рассказ о Родине, облагороженный моим дамским присутствием, выглядит примерно так:

Утро. Проселочная дорога. Птички, ветерок, Среднерусская возвышенность, холмы и березки.

По дороге едет большой черный Хаммер. За рулем Гошин товарищ Витя Маленький (про него позже), Гоша дремлет на пассажирском сиденье.

Внезапно Витя резко жмет на тормоза. Посреди дороги, широко раскинув руки, стоит колеблемый ветром человек. На лице человека изображено изумление, граничащее с обмороком.

– Эй, в танке! – кричит человек. – У вас топор есть?

Витя опускает боковое стекло и задает вопрос, который на литературный язык с общепонятного можно перевести так:

– А скажи-ка, милок, что ты делаешь тут, на капоте нашего автомобиля, в такое неожиданное время и зачем тебе в чистом поле топор? Уж не задумал ли ты чего опрометчивого?

Бессвязные пояснения поселянина сводились к следующему: накануне Колян и его кум Толян были в гостях на свадьбе в соседнем селе. Следует заметить, что на торжественное мероприятие задумано было ехать на автомобиле. В связи с этим было решено, что Колян пить не будет (что в конечном итоге не получилось), а Толян будет вести себя обыкновенно. То есть, нажрется до зеленых чертей.

Под утро, когда веселье утихло, кумовья погрузились в автомашину и поехали домой. Тут-то и произошло непредвиденное.

Как оказалось, метрах в ста впереди дорога делала резкий поворот налево и дальше шла вдоль довольно крутого оврага, поросшего кустами и деревьями. По дну оврага бежала речка, дополняя собой живописный пейзаж. Не то, чтобы наши герои не знали этой особенности местного ландшафта… Но выпитое и пережитое не позволило им вписаться в поворот. И вот теперь «Москвич», на котором ехали товарищи, висел над оврагом на ветвях старой березы.

– Брешешь, – сказал Гоша, выбираясь из Хаммера, – быть того не может.

Поселянин поклялся в своей правдивости жизнью родной мамы и отвел Гошу с Витей к обрыву. Там, нарушая законы всемирного тяготения, на березе и правда висел старенький ободранный Москвич.

– А где ж твой кум, бродяга? – осведомился потрясенный Гоша.

– Так в машине он, – ответствовал поселянин. – Спит.

– А ты как же вылез?

– Я?! – изумился Колян. – Вылез?!

– Ну вот он же ты, чудила! – подметил Витя. – Ты тут, а корыто твое с гайками – там.

– Тудыть твою! Как же это я вылез?! – поразился поселянин, видимо только теперь осознав, что в беспамятстве проделал недюжинное акробатическое упражнение.

– И зачем тебе, смертный, в такой ситуации топор? – спросил Гоша.

– Так это… Березу срубить. Кума-то надо выручать…

– А не подумал ты, добрый человек, что если березу срубить, то автомашина твоя полетит вниз, в овраг, вместе с твоим товарищем Анатолием?

Дальше, по словам Гоши, поселянин произнес фразу, в которой отражена вся суть нашей Отчизны, ее своеобразие и самобытность, мудрость и вера в светлое будущее:

– Может, еще и обойдется, – молвил Колян.

Рассказ о том, как удалось прицепить «Москвич» со спящим внутри Толяном и вытащить его на дорогу с помощью троса, особого значения уже не имеет.

– Проще все как-то, – резюмировал Гоша, закуривая.

– И, вместе с тем, как-то глубже, – добавила я, вытирая слезы.

– Это ты насчет оврага?

– Это я в целом.

– Да, – вздохнул Гоша, – в целом – глубже. Или ты опять издеваешься?

Витя

На заре карьеры Витя, неостроумно прозванный товарищами Маленьким, был спасен Гошей от какой-то лихоманки, потом пробыл несколько лет Гошиным оруженосцем, потом Гоша попытался сделать его чем-то вроде компаньона, но конфигурация Витиного мозга не снесла такого насилия… Словом, на момент нашей встречи Витя состоял при моем товарище и лучшего места в жизни не искал.

Меня Витя полюбил мгновенно и навсегда, потому что я была первой в его бестолковой жизни женщиной, назвавшей его «заинькой». То есть разобравшейся в его внутреннем мире.

Надо сказать, что и сейчас в минуту невзгоды я могу позвонить Маленькому, и он придет мне на помощь, где бы я ни находилась.

Другое дело, что варианты Витиной помощи обычно приходят в диссонанс с УК Российской Федерации и не устраивают меня по ряду этических параметров, но тут уж ничего не поделаешь.

На момент нашей встречи Витину жизнь омрачала только одна проблема: женщины. Точнее, женщины как таковые проблемы не составляли. Но Витя хотел жениться, и вот это как раз было непросто.

Не то, чтобы Витя был нехорош собою. Больше всего он походил на терминатора, у которого жестоко запил визажист. Ну, вы понимаете. Внешность как внешность. Многим нравится. Витя долгие годы подряд занимается бодибилдингом и достиг в этом деле впечатляющих результатов. В джип «Митцубиси-Паджеро», например, помещался с трудом. Денег у Маленького было довольно много. Точнее, у него было довольно мало воображения. То есть вариант практически беспроигрышный.

В квартире, оставшейся в наследство от какой-то тетки, Витя создал атмосферу непритязательную и уютную. Полы с подогревом, ортопедический матрас на полу и страшное сооружение, напоминающее инопланетное гинекологическое кресло-тренажер. Еще у Вити в коридоре был шкаф, в котором хранилась одежда, состоявшая в основном из спортивных штанов и кожаных курток.

Во второй комнате было пусто. Витя не очень понимал, зачем одному человеку столько комнат.

На Витиной кухне было гулко и чисто. Там присутствовали холодильник, стол, стул, ложка, чашка и миска. Если я и преувеличиваю, то не сильно.

Главным в этом аскетическом жилище был попугай. Точнее – Psittacus erithacus, или серый африканский попугай Жако. Чудовищная птица жила в громадной клетке и встречала каждого посетителя фразой: «Чо прришел? Чо прринес? Ничо не прррринес? А чо прррришел?» Кто, когда и зачем научил пернатого таким словам – неизвестно. Нравом попугай отличался весьма склочным и из всех двуногих уважал только Витю.

Итак, в пору начала нашей дружбы Витя расстался с очередной девушкой.

Причиной стало девушкино легкомыслие и, как теперь говорят, пониженная социальная ответственность.

– Ну почему так получается? – жалобно вопрошал Витя. – Вот скажите мне, неужели все бабы это самое… Ну вы понимаете…

– Малыш, – аккуратно спросила я. – А где ты взял эту нехорошую девушку?

– В сауне он ее взял, – подсказал Гоша.

– А где ж их еще брать? – удивился Витя.

– На концерт сходи, – сурово посоветовала я.

– Ага, – согласился Гоша. – И в ёперу. На балет.

– И ничего, кстати, смешного.

– Да куда уж…

К моему мнению Витя прислушался. То есть, в целом прислушался. Без крайностей в виде симфонического оркестра.

В последующие месяцы Маленький попытался завести отношения с медсестрой (ходил к стоматологу), парикмахершей (стригся) и девушкой на каком-то ресепшене. Несмотря на все усилия, личная Витина жизнь развивалась по одной схеме: сначала девушкам нравилась его мускулатура, потом – автомобиль, потом квартира.

Дальше наступал облом.

Попытки повесить в комнате с тренажером и попугаем шторки с фестончиками Витя пресекал. Цветов дарить не умел. На белье из дорогого магазина реагировал примитивно. На Ибицу ехать отказывался в грубой форме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.